

Борис ДУБИН

Сталин и другие. Фигуры высшей власти в общественном мнении современной России¹

Мифологизация прошлого, синдром "особого пути" и фигура вождя. По данным ряда международных сравнительных исследований, в которых участвовал ВЦИОМ, показатели приверженности россиян к национальному целому (сознание себя россиянином) высоки. В то же время их гордость за свою страну очень низка. К нескольким исключениям относятся такие моменты, как успехи российских **спортсменов**, достижения в литературе и, наконец, прошлое страны, ее "история" — ими гордятся, по их признанию, несколько больше трети граждан России. По доле же населения, гордящегося, например, демократическими институтами и политическим влиянием своей страны, ее научными, техническими и экономическими достижениями, уровнем благосостояния жителей и системой социального обеспечения, Россия вместе с прежними членами социалистического лагеря занимает последние места в списке более 40 обследованных стран.

Именно отсутствие в стране современных институтов и успешных, авторитетных лидерских групп, дифференцированных элит, а не ведомственной номенклатуры, их позитивно оцененных обществом достижений концентрирует сознание россиян на прошлом. Коллективное самоопределение возможно и значимо здесь исключительно через отсылку к общему **прошлому**². А в образе этого прошлого, с одной стороны, опять-таки

выделяются фигуры вождей и военачальников, с другой же — подчеркиваются перенесенные народом тяготы и его терпение. Эмоционально-смысловым фоном, или рамкой, подобной картины выступает ностальгическое чувство утраты — это практически всегда "Россия, которую мы потеряли" (название фильма Станислава Говорухина, 1992 г., отсылающее к известной книге английского историка Питера Ласлетта "Мир, который мы потеряли", 1971).

Приведем распределение ответов на вопросы: **"Согласны ли Вы с тем, что Россия к настоящему времени утратила в мире роль великой державы?"** (в % от общего числа опрошенных, май 2002 г., N=1600 человек):

Вариант ответа	%
Да	68
Нет	30
Затруднились ответить	2

"Когда, по Вашему мнению, Россия утратила роль великой державы?" (в % от общего числа опрошенных, май 2002 г., N=1600 человек):

Вариант ответа	%
После революции, при В. Ленине	2
При И. Сталине	2
При Н. Хрущеве	1
При Л. Брежнев	5
При К. Черненко	2
При М. Горбачеве	51
При Б. Ельцине	32
При В. Путине	0,5
Россия никогда не была великой державой	2

Но такое мифологизированное прошлое не может быть предъявлено и воспринято иначе как в негативной модальности. Субъекты истории — самостоятельный и деятельный, ответственный и ориентированный на значимых других *индивид*, инициативные, социально значимые, оформленные *группы*, способные ставить общие цели и выработать средства (программы) их достижения, автономные *институты* и базовые для них ценности — в реальности отсутствуют или крайне слабы, не авторитетны. Сама идея субъективности, начало позитивной социальности если и переживаются какими-то маргинальными фракциями интеллектуального слоя,

¹ Окончание. Первую часть статьи см.: Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2003. № 1. С. 13–25 (исходный вариант опубликован: *Ventunesimo Secolo*. 2003. № 3. P. 87–107).

² Об этой ретроспективной работе общественного сознания на разных его уровнях — от массового до специализированного исторического — в последнее десятилетие см.: Национальные истории в советском и постсоветском государствах / Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. М., 1999; Историки читают учебники истории: Традиционные и новые концепции учебной литературы / Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. М., 2002; *Берелович В.* Современные российские учебники истории: Многоликая истина или очередная национальная идея? // *Неприкосновенный запас*. 2002. № 4 (24); *Зверева Г. И.* Присвоение прошлого в постсоветской историософии России (в печати); *Каспэ И.* Представление истории и представления об истории в русском Интернете (в печати). Благодарю авторов двух последних работ за возможность ознакомиться с материалами их докладов до публикации. Эмпирические данные опросов общественного мнения по данной проблеме см. в статьях автора и его коллег, указанных ниже.

то лишь в горизонте невозможного — как сожаление о потере или томление по несбыточному.

Казалось бы, сосредоточенность на прошлом и отсутствующем, на том, что не здесь и не сейчас (что "глубоко скрыто", "потаённо", "не может быть высказано", "уже не то или еще не то, что на самом деле ищется и **необходимо**"), представляет собой попытку коллективного самососредоточения. Но это лишь усилие стать собой, поскольку содержательных значений, смысловых императивов осмысленного действия, которые могли бы стать обобщенными образцами, нет ни в "глубинке" страны, ни в "глубинах прошлого". Обнаруживаемые там смысловые образования, символические фигуры снова отсылают к той же неуниверсальности ("**особости**", "неповторимости") коллективного самоопределения. Они выступают еще одним тавтологическим обозначением непринадлежности страны к какому-либо общему смысловому порядку, ее замкнутости на себе, закрытости от мира, "исключительности".

Таков один, чисто отрицательный полюс представлений о прошлом в России — ее "сути", которая "скрыта", "утаена, утрачена". Другой, с ним связанный, контрастный по отношению к нему и компенсаторный по отношению к негативным чувствам недостижимости и потери, можно в этом плане условно назвать позитивным. Вокруг него формируется легенда о России как великом и мощном военном целом. Отечественная история в положительном залоге может быть представлена по преимуществу как прошлое российской "**державы**"¹. В подобном комплексе разнородных и **разнофункциональных** представлений соединяются значения интегрированного коллективного целого, которое устроено наиболее простым и понятным для россиян образом — оно соединяет равенство всех по горизонтали с полным подчинением их

¹ Речь идет о коллективном мифологизированном представлении. Оно не может, да и не должно быть эмпирически верифицировано, поскольку его функция принципиально иная — символически репрезентировать не существующую, но "чаемую Россию" (пользуясь заглавием статьи Федора Степуна, 1936 г.). Иногда в таких случаях говорят об "империи", "имперском целом", что не совсем точно. Империя подразумевает социальную открытость наднационального целого, в данном же случае речь идет об общественном устройстве принципиально закрытого типа. Это лишь на самых ранних, миссионерских стадиях пореволюционной истории в идеологии победителей педалировались символы всемирной революции, "мирового пожара" и т.п., но они-то как раз и были нацелены против царской России и империй вообще. С переходом же к собственно советскому, реставраторскому этапу в идеологическом самообосновании изоляционистского целого на правах знаков "высокого" стали использоваться символы дореволюционного прошлого и некоторые символы имперской власти.

простейшей властной вертикали, вождю и его ближайшим соратникам, прежде всего военачальникам. Консолидация всех вокруг единой фигуры определяется исключительными обстоятельствами предельных испытаний, угрожающими самому данному устройству социума, существованию коллективного целого, "народа". Все его наличные ресурсы активируются под угрозой гибели в ключевой момент, потому и называющийся "историческим", и подчинены единой для всех, единственной цели — выжить, выстоять. Помимо прочего, подобный смысловой мотив чрезвычайной мобилизации сил и средств еще раз указывает на дефицит **политивного** целеполагания в данном типе сообщества, на слабость в нем самостоятельных **смыслотворческих** групп.

Идеологический каркас описываемой здесь легенды (неомифологического комплекса) начал складываться в работах отечественных историков 1850—1880-х годов — С.М.Соловьева, Д.И.Иловайского и др. — на стадии формирования национальной государственности России. При этом учитывались элементы риторики национального сплочения, выработанные на предыдущих этапах отечественной истории и историографии — по следам наполеоновских войн Н.М.Карамзиным, затем в публицистике ранних славянофилов, Н.В.Гоголя и др. Несущие элементы легенды о великой державе и избранном народе были в определенной мере усвоены И.Сталиным, внимательно читавшим труды перечисленных авторов и знавшим всю эту линию **рассуждений**¹. После идеологии прямого и резкого разрыва с "наследием царизма" в годы революции и пореволюционное десятилетие эти риторические моменты начиная по меньшей мере с 1934 г.² были реанимированы

¹ См. об этом: *Илизаров Б.С.* Сталин. Штрихи к портрету на фоне его библиотеки и архива // Новая и новейшая история. 2000. № 3. С. 204. Сталинский взгляд середины 1930-х годов на историю, в том числе отечественную, вскоре стал предметом массового распространения: сборник "К изучению истории", включивший его высказывания и партийно-государственные постановления, вышел в 1937 г. тиражом в 125 тыс. (!) экземпляров; см. об этом: *Бордюгов Г., Бухараев В.* Национальная историческая мысль в условиях советского времени // Национальные истории в советском и постсоветских государствах. С. 32. О сталинском понимании истории и его воздействии на советскую историографию см.: *Мерцалов А.Н.* Сталинизм и освещение прошлого // История и сталинизм. М., 1991. С. 382—447.

² Условное "начало" процесса идеологической **традиционализации** — постановление ЦК "О преподавании гражданской истории в школах СССР" (май 1934 г.) и письмо Сталина по поводу статьи Ф.Энгельса "Внешняя политика русского царизма" (июль 1934, распространялось в партийной верхушке, опубликовано в 1941 г.); см. об этом: *Бордюгов Г., Бухараев В.* Указ. соч. С. 29-36.

сталинской пропагандистской машиной. Предвоенные годы ознаменовались в работе всего идеологического аппарата последовательным насаждением культа вождя вместе с переориентацией на державную символику дореволюционного прошлого, усилением патриотических мотивов, идеей национальной исключительности — против "интернационализма" и даже "космополитизма" революционных лидеров первого набора. Перечисленные идейные моменты, сопровождавшиеся институциональными сдвигами и жесточайшими кадровыми перетрясками, среди прочего обозначили переход от мифологии революционного перелома с ее героизацией образа комиссара, спецуполномоченного и противостоящих ему "враждебных классов" и "отсталой массы" к идеологии индустриально развитой, военизированной державы во главе с военизированной же фигурой вождя (в годы войны — верховного главнокомандующего, а с 1945 г. — генералиссимуса), к традиционалистским мифологемам "народа" как "дружной семьи" и т.п.

Вся эта реставраторская конструкция легитимационной легенды власти окончательно закрепились в годы Отечественной войны ("священной войны", по названию стихотворения В. Лебедева-Кумача, написанному в 1941 г., легшему в основу прославленной песни) и в послевоенный период¹. Победа СССР в войне и фигура "возглавившего" эту победу вождя соединились с мифологизированным державным целым прошлого России. Так сложился опорный идеологический образец, образно-символический комплекс, который через систему школьного и институтского преподавания, массовую литературу, кино, театр, музейное дело и т.д. был положен в основу самых главных и наиболее широко распространенных представлений советских людей о государственно-национальном целом в его прошедшем и нынешнем состоянии. Он выступил нормативным барьером или фильтром для любых значений, относящихся к прошлому, матрицей "исторического сознания" для самых широких масс. Историей для них стало и по нынешний день является то, что ук-

¹ О сталинском понимании войны и ее идеологической трактовке в те годы см.: Мерцалов А., Мерцалова Л., Сталинизм и война. М., 1998. Парадигматическое значение для меняющейся системы пропагандистских оценок русского и советского, мифологии "старшего брата", "первого среди равных" и прочих имела, конечно, книга самого И. Сталина "О Великой Отечественной войне Советского Союза". На фоне новой легенды и применительно к образу конституированного ею целого относительно смягчилась, отойдя на более дальний план, идеология "непримиримой и беспощадной" борьбы классов и даже риторика партии как "воинствующего ордена меченосцев".

Таблица 10

С КАКИМ ИЗ ПРИВЕДЕННЫХ НИЖЕ ВЫСКАЗЫВАНИЙ О ПУТЯХ РАЗВИТИЯ РОССИИ ВЫ БЫ СКОРЕЕ СОГЛАСИЛИСЬ?* (в % от общего числа опрошенных в соответствующем году)

Вариант ответа	1989 г.	2000 г.
Россия отстала от большинства передовых стран	72	50
Россия всегда была в числе первых и не уступит этой роли	2	10
Россия развивается по своему, особому пути	11	34
Затрудняюсь ответить	14	6

* Формулировки подсказок опроса "Советский человек" (1989) условно приравнены здесь к формулировкам в опросе 2000 г.

Таблица 11

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ РОССИЯ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ДЕРЖАВОЙ? (в % от общего числа опрошенных, N=1600 человек в каждом году)

Вариант ответа	1999 г.	2000 г.	2001 г.
Да*	31	53	40
Нет**	65	43	56
Затруднились ответить	4	4	4

* Суммированы ответы "определенно да" и "скорее да".

** Суммированы ответы "скорее нет" и "определенно нет".

ладывается в формы данной легенды о великой и непобедимой державе. Явные колебания и неуверенность в державной идентификации сегодня, даже временное признание большинством того, что Россия теперь не может считаться "великой державой", компенсируются или снимаются отсылкой к неисчерпаемым ресурсам и уникальным возможностям страны (табл. 10 и 11). Признаки величия модально переозначиваются, переносятся в область потенциального.

Ответы на вопрос: *"На какое отношение со стороны других стран мира может сегодня претендовать Россия?"* (2001 г., N=1600 человек) распределились следующим образом:

Вариант ответа	%
К России должны относиться на равных, как к великой державе, считаясь с ее интеллектуальным потенциалом, богатством ресурсов	67
К России должны относиться с пониманием и оказывать ей поддержку, учитывая ее нынешнее положение	31

В рамках легенды о великой державе был выстроен пантеон выдающихся исторических дея-

телей в его принципиальной структуре взаимодополнительных ролей. Сюда вошли избранные, отмеченные и переозначенные в державной перспективе и в смысле национальной "исключительности" фигуры представителей военного ведомства, науки и культуры — прямые соратники вождя, его "ослабленные" (лишенные власти) смысловые дублеры и, наоборот, противники. Для каждой из ведущих, скажем так, позитивных символических фигур (ролевых масок) в данном пантеоне, его "действующих лиц", "исполнители" (носители имен) которых могут от периода к периоду незначительно меняться, можно было бы построить целое "семейство" двойников-дублеров.

Представляющие различные ведомства, разные, но одинаково подначальные вождю участки его власти и различающиеся по функциям относительно главного лица, они выступают условными заместителями центральной фигуры, как бы "синонимами" ключевого имени. Таковыми являются позитивный и/или негативный предшественник, явный и тайный противник, соратник или помощник-исполнитель и т.д.¹ Героический, даже военно-героический компонент и в определении исторической реальности, и в образе главной фигуры, и в характеристиках его помощников и соперников (могучая держава, военизированный вождь, аскетизм, терпение и жертвенность народа) — несущий для всей конструкции. Он, пусть и в ослабленном виде, будет входить в массовую оценку даже, условно говоря, мирных периодов сравнительно недавнего прошлого.

Причем таковы будут не только нормативные ожидания масс. На нее станут ориентироваться или как-то ее учитывать и сами вожди, их про-

¹ О формировании соответствующего ролевого репертуара, набора взаимодополнительных идеологических масок в культуре и словесности эпохи "высокого сталинизма" см.: *Кларк К.* Советский роман: История как ритуал. Екатеринбург, 2002. С. 107-112 (амер.изд.1981); *Brooks J.* Thank You, Comrade Stalin! Soviet Public Culture from Revolution to Cold War. Princeton, 2001. С предельной, уже элигонской четкостью подобная система смысловых валентностей прочерчена в воображаемом пространстве поздней и постсоветской исторической прозы 1970–1990-х годов, пользующейся достаточно широким читательским признанием и разрабатывающей разные этапы и эпизоды базового сюжета — становления, расцвета, эрозии и распада могучего имперского целого русской державы. Ролевой и исполнительский репертуары здесь несколько более широки, поскольку включают семейство врагов и вредителей ("внешних" и "внутренних"), верных помощников (в том числе преданную жену) и, наконец, важнейшие образы жертв как "невинных", так и допустивших "слабость". Подробнее обо всем этом см. статью: *Дубин Б.В.* Риторика преданности и жертвы. Вождь и слуга, предатель и враг в современной историко-патриотической прозе // *Знамя.* 2002. № 4. С. 202–212, а также: *Marsh R.J.* History and Literature in Contemporary Russia. L., 1995.

пагандистский аппарат, разрабатывающий соответствующую символику и риторiku. Скажем, военная (системная, модельная) или дополнительная к ней по функции репрессивная составляющая значима для массового восприятия и оценки не только образа Ю.Андропова (а ретроспективно — *Ф.Дзержинского*), но и, например, эпохи *Л.Брежнева* и даже его персонального имиджа, пусть уже изрядно прозаизированного. В образе *Брежнева* и обобщенных оценках брежневского периода на первый план выходит составляющая социальной стабильности и относительного благополучия жизни (семантика "штатской повседневности"), тогда как в образе *Сталина* и оценках сталинского времени — составляющая испытаний и величия державы (семантика "воинской героики"). Так что в широко распространенный образ "эпохи *Брежнева*" второй половины 1990-х годов входят, хотелось бы подчеркнуть, не только и даже не столько ностальгия "работяг" по дешевой водке и колбасе или по доступности курортов *Крыма* и *Кавказа* для среднеобеспеченного слоя квалифицированных рабочих, технической интеллигенции, обслуживавшей *ВПК*, специалистов, работавших на Севере, и т.п., но и представление о могучей военной державе, подкрепленное мифологией биполярного мира, гонкой вооружений и пафосом борьбы за мир. (Лишь на фоне этих последних можно оценить и риторiku "разрядки", и лозунговые стереотипы "формирования новой исторической общности людей — советского народа", и только в этих рамках становится понятным педалирование военных эпизодов *брежневской биографии*, какими бы карикатурными они ни выглядели и тогда, и сейчас¹).

Отсюда понятна компенсаторная ностальгия россиян 1990-х годов по прошлому "великой державы" и "благополучию" *брежневской эпохи*, по соответствующим героям и символам из

¹ Показательно, что первые демонстративные шаги к "реабилитации" *И.Сталина*, встреченные овациями аудитории, *Брежнев* сделал именно в торжественной речи на праздновании 20-летия победы в Отечественной войне, тогда же опубликованной (*Брежнев Л.И.* Великая победа советского народа. М., 1965). За этим последовал вал маршальских и генеральских мемуаров о войне, которые в необъявленной полемике и прямой борьбе с "лейтенантской прозой" конца 1950-х — начала 1960-х годов (ранний *Ю.Бондарев*, *Г.Бакланов*, *В.Быков*, *Е.Носов*, не опубликованный в те годы *К.Воробьев* и др.) внесли решающий вклад в укрепление новой героической мифологии войны. Мемуары военачальников, как свидетельствуют данные тогдашних зондажей социологов, в немалой степени составили основу массового читательского спроса в библиотеках и широкого чтения 1970-х годов, а параллельно были подкреплены панорамно-героической версией войны в киноэпопее *Юрия Озерова* "Освобождение" (1970–1972) и т.п.

курса средней школы. По функциональному месту в пантеоне (по своей роли) это, как уже говорилось, прежде всего император Петр I, полководцы — А.Суворов, М.Кутузов, Г.Жуков; поэты и ученые, воплощающие превосходство России, — А.Пушкин, Д.Менделеев. Наконец, это Ю.Гагарин и С.Королев, чьи фигуры символизируют "народ", "людей из народа", "глубинки" в образе властителей уже не просто "одной шестой земли", а **надмирового**, космического пространства¹. По происхождению и функциональному приложению описываемая легенда, которая входит в "русский миф", конституирующий весь современный российский социум, связана не с национально-культурным сообществом, а с завоевательно-державным целым России, а затем и СССР. Характерно, что в обобщенном идеальном образе великой страны россияне выделяют такие "дефицитные" для российского и советского общества характеристики, как развитая промышленность, высокий уровень благосостояния, гарантированные и защищенные права и свободы граждан (табл. 12), тогда как в представлениях о величии собственно России упор делают на территорию и ресурсы, военно-ядерную мощь и "великую историю".

Выберите из указанных две-три позиции, по которым Россию в первую очередь следовало бы считать великой державой (в % от общего числа опрошенных, 2001 г., N=1600 человек):

Позиция	%
Соблюдение прав и свобод граждан	
Высокий уровень благосостояния граждан	
Высокий культурный уровень населения	
Высокое историческое предназначение России	
Богатое культурное наследие	
Особые таланты и величие духа народа	
Великая история	
Военная мощь, ядерное оружие	
Огромная территория	
Богатые природные ресурсы	
Не считают Россию великой державой, затруднились ответить	

¹ Подробнее об этом пантеоне, его структурной устойчивости и смысловой динамике см: Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х. М., 1993. С. 167-197, 283-284, 293; Левинсон А. Массовые представления об "исторических личностях" // Одиссей. 1996. С. 252-267; Дубин Б. Национализируемая память (О социальной травматике массового исторического сознания) // Человек. 1991. № 5. С. 5-13; Он же. Прошлое в сегодняшних оценках россиян // Экономические и социальные перемены... 1996. № 5. С. 28-34; Он же. Конец века // Мониторинг общественного мнения... 2000. № 4. С. 13-18.

Таблица 12
ЧТО ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННОГО, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ПРЕЖДЕ ВСЕГО ДОЛЖНО БЫТЬ В СТРАНЕ, ЧТОБЫ ОНА СЧИТАЛАСЬ ВЕЛИКОЙ? (в % от общего числа опрошенных, N=1600 человек в каждом году, сумма ответов превышает 100%, поскольку респондент мог выбрать несколько вариантов ответа)

Вариант ответа	1998 г.	1999 г.	2000 г.
Высокоразвитая промышленность	70	74	69
Высокий уровень благосостояния граждан	62	72	64
Соблюдение прав и свобод человека	32	41	39
Богатые природные ресурсы	16	24	29
Великое культурное наследие	24	27	27
Ядерное оружие	14	27	27
Обширная территория	6	8	11
Другое	1	0	1
Затруднились ответить	4	4	2

При дефиците других универсально значимых достижений страны, которыми можно было бы гордиться ее гражданам, в сознании россиян укрепляется чувство принадлежности к "органическому" национальному целому ("народу"), а вместе с тем становятся более актуальными представления об "особом пути" России. Наряду с ними растет значимость "военной" составляющей в образе России как великой державы, усиливаются настроения ксенофобии по отношению как к этническим и вероисповедным "чужакам" ("лица кавказской национальности"), так и к традиционному со времен "холодной войны" образу стратегического противника (США)¹.

Будут ли в мире уважать нашу страну, если она, достигнув высокого уровня благосостояния граждан, перестанет быть сильной военной державой? (в % от общего числа опрошенных, 2001 г., N=1600 человек):

Вариант ответа	%
Да, будут	51
Нет, не будут	46
Затруднились ответить	3

¹ Подробно об этом последнем диагностическом моменте см.: Гудков Л. Отношение к США в России и проблема антиамериканизма // Мониторинг общественного мнения... 2002. № 2. С. 32-48, а также: Левада Ю. Отложенный Армагеддон? Год после 11 сентября 2001 г. в общественном мнении России и мира // Там же. № 5. С. 7-18.

Таблица 13

КОГО БЫ ВЫ НАЗВАЛИ САМЫМ ВЫДАЮЩИМСЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ДЕЯТЕЛЕМ РОССИИ НАСТОЯЩЕГО ИЛИ ПРОШЛОГО? (в % от общего числа опрошенных в группах по **типу** политических **ориентаций**, 1995 г., N=2983 человека, приводятся только позиции, набравшие не менее 5% ответов)

Вариант ответа	В среднем по выборке	"Общий путь"	"Особый путь"	"Сторонники авторитаризма"	"Противники авторитаризма"
Петр I	47	58	47	44	50
В.Ленин	10	6	12	13	10
И.Сталин	7	3	8	11	4
Ю.Андропов	6	5	7	8	5

Примечание.

"Общий путь" — выбор позиции "России следует идти путем других развитых стран, влиться в мировое сообщество";

"Особый путь" — выбор позиции "России нужно идти своим особым путем";

"Сторонники авторитаризма" — выбор позиции "Нашему народу постоянно нужна сильная рука";

"Противники авторитаризма" — выбор позиции "Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы власть была сосредоточена в руках одного человека".

Добавим, что между **ориентациями** на национальную исключительность, надеждами на "твердую руку" и предпочтениями в отечественном прошлом таких фигур, как В.Ленин и особенно И.Сталин, есть определенная связь. При этом образ Петра I, опорный в сталинской идеологической пропаганде второй половины 1930–1940-х годов, сейчас все же несколько чаще ассоциируется россиянами с открытостью страны, недопустимостью сосредоточения государственной власти в одних руках (табл. 13).

Функциональные и модальные трансформации легенды. В ситуации подъема новых социальных слоев в советской России второй половины 1920-х — начала 1930-х годов официальная идеология, обращаясь к массам, выдвигала вперед, заостряла, педалировала чисто мобилизационные аспекты инструментального достижения социальных целей, как бы совсем уже близких по времени и понятных всем по смыслу. Отсюда — прокламировавшаяся "сверху" и во многом принимаемая массами, особенно более молодыми, выходцами с социальной и культурной периферии, уверенность в возможности быстрых, волевых, "политических", как тогда говорилось, решений любой проблемы. Отсюда же — преобладание в тогдашней государственной риторике на темы современности таких смысловых моментов, как "сроки", "планы", "техника" (в широком смысле слова имелись в виду любые относительно рациональные, стандартизированные умения, вырабатывающиеся на начальных этапах модернизации, индустриализации, цивилизации, неважно, касались они умения управлять машинами или языковых компетенций, умения **"выражать"** свои мысли, грамотно писать и пр.).

Вторая половина 1930-х годов — период прокламированной стабилизации и символического

оформления достигнутого страной Советов. На этом этапе (в формулировках **К.Маннхейма** его можно было бы назвать переходом от утопии к идеологии) и складывается легенда о великой державе, ее завоевательно-объединительной миссии, воплощенной в фигуре верховного вождя и военачальника. В дальнейшем, в годы войны и послевоенное десятилетие, она выступает основной рамкой коллективной идентификации советских людей¹.

Относительно иная социокультурная ситуация складывается в конце 1960-х — начале 1980-х годов, в "брежневскую эпоху". Это годы внешней и относительно, вполне элементарной по уровню и набору "благ" бытовой стабильности при углубляющемся коллапсе советской экономической системы, разложении социально-политического устройства, измельчании и распаде обосновавшей и подкреплявшей их идеологической легенды. Официальная риторика "новой исторической общности людей — советского народа", лишенная решающих признаков победоносной

¹ Увенчивающий легенду сталинский образ ретроспективно индуцирует соответствующие значения, фигуры державных правителей и военачальников в "историческом прошлом". Так складывается новый образ Петра I (в 1934 г. на сцены страны выходит одноименная пьеса А.Н.Толстого, в 1937-1938 гг. — двухсерийный фильм В.Петрова по этому же произведению А.Н.Толстого; первая серия фильма получила приз Парижской Международной выставки 1937 г.; публикуются — после 1929 г. — новые тома толстовского романа "Петр I и др."), фигуры Наполеона (напрямую заказная кн.: *Тарле Е.* Нашествие Наполеона на Россию. М., 1938), Александра Невского (одноименный фильм С.Эйзенштейна, музыка С.Прокофьева, 1938; кн.: *Козаченко А.* Ледовое побоище. М., 1938) и т.д. Вошедшие в **этом** новом звучании во множество учебников для средней и высшей школ, они, естественно, воспроизводятся затем из поколения в поколение на массовом уровне уже в модусе обща принятых и общеизвестных фигур **"выдающихся"** людей всех времен и народов".

завоевательности, волевой активности, пыталась теперь лишь пассивно обозначить фиктивные контуры общего, но уже не существующего целого. Здесь можно говорить о функции исключительно символической интеграции без малейшего мобилизационного заряда. В этих рамках, но на более низких уровнях системы, в относительно узких, замкнутых группах и кружках образованного сословия активизировались такие неофициальные идеолого-символические ресурсы, как гуманистические ценности (у более либерально-реформистски настроенной, но адаптированной в советскую систему интеллигенции), защита гражданских прав и поиски не фальсифицированной истории (диссидентство, часть культурного андеграунда), наконец, почвеннические поиски "корней" и "истоков", державно-националистические идеи (идеологи журналов "Молодая гвардия", впоследствии — "Наш современник" и "Москва", — от различий в оттенках их взглядов сейчас отвлекаюсь).

Однако ни в официальной идеологии, ни в дополнительных или частично альтернативных по отношению к ней коммуно-националистических и почвеннических поисках проблема новых, универсалистских ценностей существования, целей социокультурного развития, а значит, и задача новой антропологии современности практически не вставала. Способами как-то удерживать распадающийся общий смысловой космос служили, с одной стороны, символы традиционалистского, партикулярно-национального целого (тавтологические конструкции родины, почвы, истоков, начал, риторика национальной исключительности, особого "народного" характера, воображаемого "своего" пути), с другой — образы внешнего и внутреннего врага (от США до "инородцев" и "иноверцев"). И те и другие конструкции фактически несли одну, уже не миссионерскую, активно-мобилизационную, а пассивно-защитную функцию — все более фиктивного обозначения границ распадающегося социального и идеологического целого.

От периода к периоду меняется ценностный заряд, смысловое напряжение базовой легенды как системы символов коллективной идентификации, представленной в формах воображаемого пантеона (музея, панорамы), "драматического" представления (кинозрелища) или словесного нарратива (учебника по истории или исторического романа, книги мемуаров). Но смещаются, передвигаются, приближаясь к проблемной точке "настоящего", и границы актуального прошлого в сознании большинства, основных взрослых поколений населения страны. События-вехи предшествующего периода при этом не исчезают. Их

включают в более объемный контекст, так что они переходят на другие уровни значимости, меняют модальный смысл. Теперь они внесены в контурную рамку базовой легенды и наделяются санкционирующими значениями мифологизированной "истории".

Так для военного (воевавшего) и ближайшего к нему послевоенного поколений произошло с образом Октябрьской революции, которую "заместила" Отечественная война. Так для последующих поколений произошло и на наших глазах продолжает происходить уже с войной, которую в роли актуального прошлого отчасти заместила, а отчасти замещает сейчас, в последние годы ельцинского и первые годы путинского правления, предперестроечная брежневская эпоха.

Как уже говорилось, сама фигура Л.Брежнева, его личные и лидерские качества оцениваются сегодняшними россиянами невысоко. Много позитивнее, выше всего они ставят способность руководить страной В.Ленина и И.Сталина (их лидерские данные сочли достаточно и весьма высокими три пятых россиян, опрошенных ВЦИОМ в 2000 г., брежневские же — лишь четверть опрошенных)¹. В подобной не падающей, спокойной оценке есть определенный смысл. В ностальгической ретроспективе героический образ великой эпохи в виде брежневского периода, конечно, утрачивает, по сравнению со сталинскими временами, значение образцового "порядка"². Здесь ориентиром для нынешних россиян выступает символическая фигура Ю.Андропова, недолгое время его правления.

¹ При этом подавляющая часть сегодняшнего населения России (и, соответственно, наших опрошенных) родились или выросли после смерти И.Сталина. Поэтому речь, строго говоря, должна была бы идти не столько об их "памяти", сколько о структурах актуальной коллективной идентификации, один из планов которой составляют стереотипизированные, в частности, полученные через школу, масс-медиа и т.д., значения "прошлого", "исторического прошлого". Они не знали сталинской эпохи, как многие из них знают брежневскую, на собственном опыте. Уже в опросе 1989г. "Советский человек" 28% опрошенных граждан СССР признались, что знают о сталинских репрессиях лишь по рассказам очевидцев, а вдвое больше — только читали об этом (Советский простой человек... С. 284-285). Сегодня число первых фактически сократилось (непосредственные свидетели уходят), тогда как число вторых должно было бы потенциально возрасти. Однако их возможности и желание читать об этих проблемах стали существенно ниже, чем 12-15 лет назад. А сложившаяся в соответствующих институтах и подсистемах общества — сегодняшней прессе, масс-медиа — картина и оценки сталинской эпохи все больше расходятся с тем, что в 1980-х годы могли передать живые очевидцы.

² 30% опрошенных в 1996 г. (N=1600 человек) признавали, что основой порядка в советские годы выступал, среди прочих факторов, страх людей перед властью.

Приведем распределение ответов на вопрос: **"Кто из следующих руководителей обеспечивал такой порядок в стране, который сегодня устроил бы Вас больше всего?"** (в % от общего числа опрошенных, 1996 г., N=1600 человек):

Вариант ответа	%
Ю.Андропов	19
И.Сталин	12
Л.Брежнев	11
Ни один из них	25
Затруднились ответить	16

Вместе с тем в образе Л.Брежнева и мифологизированной картине его времени сильно смягчены, если не вовсе исключены, те труднопереносимые для "среднего человека", угрожающие для его близких значения принудительности и **безальтернативности**, тотальной репрессивности, личной опасности, которые были во многом связаны с образом сталинской эпохи. Характерно, что в образе Л.Брежнева нет ничего зловещего, и россияне не относят его к "самым страшным" фигурам в истории страны. Политико-идеологическая рутина и моральная двусмысленность брежневских десятилетий вместе с семантикой относительной бытовой устроенности и устойчивости входят сейчас в смысловое целое "эпохи стабильности", "мирного времени" (всеобщий дефицит, преследования инакомыслящих, афганская война, понятно, устранены массовым сознанием из этой идеализированной картины).

В отличие от фигуры И.Сталина, которая в базовой легенде и массовом сознании как бы возвышается над своим временем, брежневский образ, можно сказать, равновелик, синонимичен годам его правления. Поэтому его хоть и причисляют к кругу выдающихся политиков, возглавлявших российское государство в XX в., но не включают в перечень "кумиров" населения так же, как не числят и среди "злых гениев" России (тогда как В.Ленин, а особенно И.Сталин фигурируют на значимых местах во всех трех перечисленных ниже списках).

В какое время Вы хотели бы жить? (в % от общего числа опрошенных, 1993 г., N=1771 человек)

Вариант ответа	%
Во времена Л.Брежнева	26
В наши дни	15
В далеком будущем	14
Во времена Ю.Андропова	9
До революции	6
В далеком прошлом	5

Когда жизнь в России была лучше? (в % от общего числа опрошенных, 1994 г., N=1699 человек)

Вариант ответа	%
Во времена Л.Брежнева	41
До революции	18
При И.Сталине	8
Во время перестройки	4
После августа 1991 г.	4
Затруднились ответить	24

Когда Вы, Ваша семья жили лучше всего? (в % от общего числа опрошенных, 1996 г., N=2399 человек)

Вариант ответа	%
Во времена застоя (до 1985 г.)	60
В перестройку (1985-1991 гг.)	13
С начала рыночных реформ (после 1991 г.)	10
Затруднились ответить	16

Как видим, возглавляющие нынешний список И.Сталин и В.Ленин (вместе с Л.Брежневым) обязаны своей популярностью прежде всего самым пожилым и наименее образованным россиянам (табл. 14). Однако нельзя не заметить, что эти предпочтения, равно как и оценка Ю.Андропова — героя "среднего поколения", популярного у россиян со средним образованием, в большой мере разделяются теперь и молодежью, образованными респондентами. Один набор символических фигур прошлого значим в принципе для всех больших групп и слоев нынешнего населения России. Популярность последнего российского императора среди молодежи, видимо, феномен воздействия массовых коммуникаций и, в частности, нового русского кино вроде фильмов Карена Шахназарова ("Царевич", 1991 г.), Никиты Михалкова ("Сибирский цирюльник", 1999 г.), сенсационных телепередач, а затем романизированных биографий Эдварда Радзинского ("Николай II", "Последняя из Романовых")¹. Символические фигуры инициаторов крупномасштабных социальных перемен в стране: относительной либерализации, демократизации, перестройки, чью авторитетность должна была бы задавать и воспроизводить интеллигенция, поддерживались ею на протяжении 1990-х годов все меньше и меньше. В результате они как разрушители державного целого вместе с реформатором предыдущего исторического этапа Н.Хрущевым занимают самые низ-

¹ К кругу этих трудов Э.Радзинского 1990-х годов, издающихся и переиздающихся большими тиражами, продаваемых в общедоступных киосках, на книжных прилавках у станций метро и на вокзальных площадях больших городов, принадлежит и биографическая книга "Сталин" (1997).

Таблица 14

КОГО ИЗ ПОЛИТИКОВ, ВОЗГЛАВЛЯВШИХ НАШЕ ГОСУДАРСТВО В XX В., ВЫ БЫ НАЗВАЛИ САМЫМ ВЫДАЮЩИМСЯ?
(в % от общего числа опрошенных в соответствующей социально-демографической группе, январь 2000 г., N=1600 человек, без затруднившихся с ответом)

Вариант ответа	В целом	Возраст				Образование		
		18–24 года	25–39 лет	40–54 года	55 лет и старше	высшее	среднее	ниже среднего
И.Сталин	19	14	17	18	25	14	17	24
В.Ленин	16	15	12	18	20	15	13	22
Ю.Андропов	11	6	12	14	10	11	14	7
Николай II	9	15	13	10	3	10	12	6
Л.Брежнев	9	8	10	7	11	6	8	12
М.Горбачев	7	9	9	6	4	14	6	4
Б.Ельцин	4	5	4	3	4	7	4	3
Н.Хрущев	3	1	2	3	4	2	3	3

кие позиции в списке¹. Напротив, фигуры тех, кто воплощал, создавал и укреплял легенду о великой державе — России и СССР, выдвинуты теперь на первый план коллективной памяти.

Вместе с уходом прореформаторской идеологии и риторики времен ранней перестройки, самих наиболее видных фигур тогдашней публичной сцены более приемлемой для российского населения выступает теперь и обобщенная фигура "большевиков" (табл. 15).

Напротив, образы тех деятелей революции, с которыми в конце 1980-х годов связывались возможные, как кому-то тогда казалось, альтернативы Сталину и сталинизму², сегодня оцениваются населением более сдержано (табл. 16). Главное же и самое заметное то, что в контексте подобных передвижек и переакцентировок растут позитивные оценки И.Сталина. Напротив, уровень негативного отношения к его фигуре, командной политике, репрессивным действиям в массе опрошенных падает. Можно сказать, снижается "общественный иммунитет" к соответствующим значениям и образцам.

Если в 1997 г. соотношение респондентов, выражавших симпатии и антипатии к фигуре Сталина, составляло 0,42, то в 2002 г. — 0,73. Удельный вес симпатий и антипатий в обществе перераспре-

¹ По ответам на несколько иной по форме и смыслу вопрос о фигурах, оказавших наибольшее влияние на историю в XX в. (ноябрь 1999 г., N=1600 человек), выявились четыре лидера: В.Ленин (65%), И.Сталин (51%), А.Гитлер (51%), М.Горбачев (42%). Активнее других групп все эти четыре фигуры называли наиболее образованные (а в случае И.Сталина и А.Гитлера — и более молодые) россияне.

² Обзор и оценку подобных поисков "альтернативы" см. в главах "Бухаринский бум" и "Возвращение Троцкого" монографии: *Бордюгов Г., Козлов В.* История и конъюнктура. Субъективные заметки об истории советского общества. М., 1992. С. 51-136, 319-344.

Таблица 15

ПРЕДСТАВЬТЕ СЕБЕ, ЧТО ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ПРОИСХОДИТ НА ВАШИХ ГЛАЗАХ. ЧТО БЫ ВЫ СТАЛИ ДЕЛАТЬ? (в % от общего числа опрошенных в соответствующем году, N=1600 человек в каждом году)

Вариант ответа	Октябрь 1997 г.	Октябрь 2002 г.
Активно поддержал бы большевиков	15	23
Кое в чем сотрудничал бы с большевиками	16	20
Постарался бы переждать это время, не участвуя в событиях	27	28
Боролся бы против большевиков	6	8
Уехал бы за рубеж	15	16
Другое	2	5
Затрудняюсь ответить	18	0

Таблица 16

КТО ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ДЕЯТЕЛЕЙ ВРЕМЕН РЕВОЛЮЦИИ ВЫЗЫВАЕТ У ВАС НАИБОЛЬШУЮ СИМПАТИЮ ИЛИ АНТИПАТИЮ? (в % от общего числа опрошенных в октябре соответствующего года, N=1600 человек в каждом году)

Вариант ответа	Симпатию		Антипатию	
	1997 г.	2002 г.	1997 г.	2002 г.
Н.Бухарин	13	9	4	3
Ф.Дзержинский	25	28	6	6
А.Керенский	4	4	12	10
А.Колчак	8	8	12	15
В.Ленин	28	36	12	11
Н.Махно	3	4	22	26
П.Милюков	1	1	3	3
Николай II	17	18	7	6
И.Сталин	15	22	36	30
Л.Троцкий	5	8	13	10
Затрудняюсь ответить	26	19	25	26

делился, и доли обеих групп за пять лет заметно сблизились. Раньше они отчетливей противостояли друг другу, мнения и оценки в обществе были поляризованы резче. Эти перемены тем более явны, что доля всех остальных респондентов — и не испытывающих к образу Сталина вообще каких-либо определенных чувств, и затрудняющихся с определенным ответом на этот вопрос — сохранилась за те же пять лет практически неизменной. В период обоих замеров она составляла чуть меньше половины населения (48–49%).

Даже массовое отношение к репрессиям сталинских десятилетий стало за 1990-е годы, особенно за вторую их половину, гораздо менее напряженным. Эти события утратили значение главных. Они не просто "забылись" — изменилась структура того, что можно было бы назвать "запоминаемым сообществом" ("социальные рамки памяти", как это называл Морис Хальбвакс). Размышлось, что особенно важно, "ядро" этого сообщества, берущееся и способное вырабатывать, задавать, поддерживать образцы принципиальных отношений и оценок. Поэтому такое явление, как репрессии 1930-1950-х годов (говоря сейчас лишь об этом периоде), потеряло для массового сознания свою **знаковость**, семантический потенциал, ценностную заостренность. Вместе с закатом публичной критики сталинизма они перестали служить смысловым центром, фокусом оценок советского прошлого. Так, если в 1989 г. 31% интервьюируемых причислил массовые репрессии к самым значительным событиям в истории страны (пятая по уровню значимости позиция из 25 названных), в 1994 г. эта цифра снизилась до 18%, а в 1999 г. — до 11% (десятая позиция из 18)¹.

При этом отношение к террору государства против населения в прошлом смягчилось и переозначилось в массовых оценках именно за счет тех, кто прежде затруднялся с ответом. Как можно предполагать, они и раньше не поддерживали четкой антисталинской позиции, но не решались тогда в этом крайне болезненном вопросе открыто примкнуть к **просталинскому "меньшинству"**, — оно в период перестройки ассоциировалось с приверженцами КПРФ, "противниками реформ". Соответственно, понятие "реформа", через отношение к которому раньше и выстраивались полюса "демократов" и "консерваторов", за вторую половину 1990-х годов, после краткой реанимации его во время ельцинской кампании на президентских выборах 1996 г., почти полностью потеряло смысловую определенность.

¹ Левада ЮЛ. От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993-2000. М., 2000. С. 450.

Приведем распределения ответов на следующие вопросы: **"Как Вы относитесь к тому, что сталинский террор — это выдумка, целью которой — обогатить вождя и опорочить наше славное прошлое?"** (в % от общего числа опрошенных, 1996 г., N=3150 человек):

Вариант ответа	%
Не согласны	56
Согласны	16
Затруднились ответить	28

С каким из следующих мнений по поводу сталинских репрессий Вы бы скорее согласились? (в % от общего числа опрошенных, 2000 г., N=1600 человек):

Вариант ответа	%
Это были годы массового террора против всего народа	58
Репрессии были связаны с чистками в партии и касались в основном "верхов"	14
Репрессии касались в основном действительных врагов народа	10
"Сталинские репрессии" — это миф, который раздут некоторыми средствами массовой информации	7
Затруднились ответить	11

Завершая разговор о формировании и трансформациях базовой легенды власти на протяжении советских десятилетий и постсоветских лет, можно сказать, что годы, которые отмечены для россиян именем В.Путина и в оценках многих респондентов противопоставлены "ельцинской эпохе", не порывают с тогдашними, как и более давними, державными, реставраторскими акцентами в публичной риторике, в символике национально-государственного целого. Скорее нынешняя социально-политическая ситуация, напротив, продолжает и проясняет прежние тенденции. В этом смысле фигура В.Путина для массового сознания — на другом, более общем уровне оценок — встраивается в рамки базовой для советских людей легенды о великодержавной России. Она включается в цепочку таких правителей, как В.Ленин, И.Сталин, Ю.Андропов, Л.Брежнев, в противоположность фигурам Б.Ельцина и М.Горбачева, которые выступают теперь в массовом сознании образами государственных деятелей, разрушавших и эту легенду, и СССР как таковой¹.

Вместе с тем сам В.Путин, стоящая за ним команда, обслуживающие ее журналисты, "ана-

¹ В вынесенном на обсуждение в 2002 г. "Проекте федерального компонента государственного образовательного стандарта основного общего образования по истории" имя В.Путина фигурирует именно в разделах программы, отведенных вопросам развития российской государственности на рубеже XX и XXI вв.

литики и прочие учитывают данную легенду, демонстрируя в тех или иных публичных акциях, в отдельных устных выступлениях президента знаки, к ней отсылающие. Хотелось бы отметить лишь несколько черт, характерных для нынешней фазы функционирования легенды, примыкающих к ней оценочных моментов.

В.Путин — в отличие, например, от Б.Ельцина, инициировавшего (безрезультатные, впрочем) "экспертные" поиски и некоторый публичный шум вокруг обсуждения "национальной идеи", — кажется, не выражает заинтересованности в какой бы то ни было артикулированной идеологии, потребности в идейном, ценностном обосновании своей власти и складывающегося при нем социально-политического порядка. Как будто предполагая, что мифы и легенды советской эпохи в той или иной степени усвоены большинством россиян, избранными ими парламентариями, средствами массовой информации, президент время от времени демонстрирует лишь опорные символы, цель которых — показать преимущество нынешнего строя, страны в ее сегодняшнем виде по отношению к российской, но в гораздо большей степени к советской державе¹.

Одно из главных и реальных отличий В.Путина от Б.Ельцина в отношении к символике советского строя и состоит в том, что Б.Ельцин, близкие к нему люди, группы могли, особенно в последние годы, период ельцинского ослабления и заката, ориентироваться или показывать, что ориентируются на определенные моменты державной символики дореволюционной России. Но от знаков советского как коммунистического, от СССР как системы и от партийной монополии на управление страной Б.Ельцин в любом случае резко и недвусмысленно дистанцировался. В.Путин же, его окружение адаптируют советскую символику для публичного оформления своих знаковых акций, представляя и возвышая этим советское как державное. (В чем, надо сказать, не расходятся, как Б.Ельцин, а напротив, вплотную смыкаются с идеологами нынешней КПРФ.)

Те или иные публичные акции и высказывания нынешнего президента существуют и обретают смысл в безальтернативных условиях фактической монополии правящей власти на средства массовой коммуникации, по крайней мере, на каналы наиболее широкого воздействия, т.е.

¹ Не касаюсь здесь прагматических аспектов подобной демонстрации, среди прочего адресованной — как, например, в ситуациях с гербом и гимном России, с пятиконечной звездой на красном знамени и др. — российскому генералитету, руководству других силовых ведомств.

телевизионные¹. Даже саму проблему политического и идеологического выбора сегодня в обществе, кажется, некому ставить, не с кем и негде обсуждать. Сколько-нибудь значимые, социально весомые и пользующиеся публичным авторитетом группы, движения, партии на современной российской сцене отсутствуют². Никаких других публичных авторитетов, кроме фигур действующих политиков, уже находящихся у или при власти, в массовом сознании россиян сегодня тоже как будто нет. Но при этом образы всех остальных политиков, кроме единственной в данном плане фигуры президента, выступающего не столько как реальная и эффективная власть, сколько в традиционной для российского-советского подопечного сознания функции потенциальной, символической управы на представителей других властей, беспомощных в той или иной "чрезвычайной" ситуации, мало что значат для россиян. В массовых опросах они собирают в лучшем случае по несколько процентов симпатизирующих или доверяющих им.

Идет дальнейшая дегероизация институтов и представителей власти. Такая прозаизация отношения к политикам могла бы, кажется, даже успокаивать, давая некую надежду на более взвешенный, относительно рациональный политический выбор массы российского населения. Но на подобном сером фоне, в условиях повторяющихся и даже учащающихся экстренных ситуаций в военном, экономическом, экологическом отношении, сохраняется, как уже говорилось, высокое доверие россиян к силовым институтам. Продолжает удерживаться на самом высоком уровне и значимость единоличной фигуры символического сверхавторитета.

Добавлю, что сегодняшние россияне получают доступ к политике и формируют представления о политическом исключительно через телеэкран. Сохраняя обезлюдившую политическую авансцену на расстоянии, управляемом с помощью ручного пульта, десятки миллионов регулярных телезрителей воспроизводят по отношению к проблемам общества, стоящим перед ним

¹ Подробнее об этом см.: Гудков Л., Дубин Б. Общественно-телезритель: Массы и массовые коммуникации в России конца 90-х годов // Мониторинг общественного мнения... 2001. №2. С. 31–45.

² Диагностику возникновения подобной ситуации и подходы к анализу сложившегося социополитического порядка, его отражений и преломлений в массовом сознании см.: Левада Ю. Общественное мнение на переломе эпох (К социологии политического перехода) // Мониторинг общественного мнения... 2000. № 3. С. 7–18; Гудков Л., Дубин Б. Российские выборы: Время "серых" // Там же. № 2. С. 17–29; Они же. Все едино // Итоги. 2001. № 3. С. 12–17; Они же. Конец 90-х годов: Затухание образцов // Мониторинг общественного мнения... 2001. № 1. С. 15–30.

Таблица 17

КАКИМИ СЛОВАМИ ВЫ БЫ МОГЛИ ВЫРАЗИТЬ СВОЕ ОТНОШЕНИЕ К ВЛАДИМИРУ ПУТИНУ?

(в % от общего числа опрошенных в соответствующем году, ранжировано по убыванию показателя в 2000 г.)

Вариант ответа	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.
Не могу сказать о нем ничего плохого	34	41	36	34
Симпатия	29	29	30	34
Настороженное, выжидательное	14	12	11	9
Нейтральное, безразличное	11	10	10	12
Не могу сказать о нем ничего хорошего	5	4	5	4
Восхищение	3	2	4	3
Антипатия	2	1	2	2
Отвращение	1*	1*	1*	1*
Затруднились ответить	4	3	2	1
Число опрошенных	1595	1600	1600	1600

* Менее 1%.

задачам и целям, выбору тех или иных путей пассивную позицию безответных очевидцев, созерцателей со стороны. Характерно, что в 2000 г. 52% россиян оценили лидерские способности новоизбранного президента как "довольно" и "очень высокие". И вместе с тем в массовом образе В.Путина до нынешнего дня преобладают отсутствие какой бы то ни было содержательной оценки, признаки бесцветности, выжидательное отношение людей, их незаинтересованность происходящим на политическом "Олимпе" (табл. 17).

В этом смысле сегодняшнее "общество телезрителей" выступает продолжением, разложением, перерождением прежнего общества единого одобрения. Во многих значимых чертах оно напоминает брежневские времена, по идеализированному образу которых массовое сознание так ностальгически тоскует и с которыми, надо сказать, само нередко сближает путинские годы.

Ниже даны распределения ответов на вопросы:

"Лично для Вас какая власть лучше?" (в % от общего числа опрошенных, 2001 г., N=1600 человек):

Вариант ответа	%
Нынешняя, во главе с президентом В.Путиным	42
Времен Л.Брежнева	25
Ни та ни другая	22
И та и другая	10

Когда, по Вашему мнению, люди в России в большей степени ощущали себя полноправными гражданами своей страны? (в % от общего числа опрошенных, 2001 г., N=1600 человек):

Вариант ответа	%
В СССР времен Л.Брежнева	36
В России времен В.Путина	33
Ни тогда, ни сейчас	28

Вместо заключения. Общим предметом внимания в настоящей статье были проблемы символической идентификации россиян в постсоветский период их коллективного существования. В качестве одной из несущих деталей довольно громоздкой конструкции современной российской идентичности ("русского мифа") была рассмотрена спроецированная в прошлое легенда о великой российской державе. Она описывалась и понималась здесь как механизм консервации культуры и общества в условиях особого типа запоздалой и "догоняющей", традиционализирующей модернизации — механизм, который поддерживает закрытый и защитный характер российской социальной системы. Символ-Сталин (а наиболее подробно в статье исследовались именно символические планы сталинской фигуры, вовсе не его деятельность практического политика, военачальника, идеолога или руководителя страны) получает свое значение в пределах этой конструкции в зависимости от ее модального устройства и смыслового наполнения.

Державная, воинская семантика сталинского символа (героика коллективных испытаний) — лишь один, но ключевой и определяющий план массового образа вождя. С ним соотнесен производный и зависящий от него план значений стабильности, порядка, относительного благополучия людей и страны (коллективная повседневность). Кроме этой конститутивной роли для всего комплекса представлений о повседневной социальной жизни, план героических испытаний и побед имеет функцию своеобразного символического оператора, соединяющего коллективный образ советской страны и России с миром и мировой историей ("народ-освободитель" Европы от фашизма, как несколькими ве-

ками ранее — от угрозы татаро-монгольского нашествия). Иными словами, план героики сталинского образа и образа отечественного прошлого в целом, собственно, и несет на себе значение *истории* для массового сознания, для всех процессов коллективной идентификации (истории повседневности для подобного социального воображения, понятно, не существует). Историческое здесь редуцировано к героическому и только в этом качестве может наделяться универсальным смыслом, стать всеобщим, *мировым*.

Выше были аналитически выделены и на материале эмпирических опросов общественного мнения вкратце рассмотрены такие компоненты массовой значимости сталинского образа, как: И.Сталин и советское государство (держава); И.Сталин и Отечественная война, победа СССР; И.Сталин и "особый путь" России; И.Сталин и авторитарное руководство ("железная рука", "твердый порядок"); И.Сталин как сверхвласть (экстраординарная управа на власть, освобожденная от закона). Особое место было уделено такой форме негативной значимости фигуры И.Сталина, как соединение в его массовом образе, в отображающих и поддерживающих этот образ литературе и искусстве взаимоисключающих и взаимоотрицающих характеристик.

С одной стороны, подобная парадоксальная двойственность выступает, на наш взгляд, едва ли не единственной формой утверждения значений "предельного" и "высокого" в советском и постсоветском обществах, точнее, формой указания на их важность, необходимость и вместе с тем на их недоступность или утрату¹. Это и понятно. В идеологии таких обществ демонстративно отрицаются ценности традиционной аристократии, но в то же время в нем отсутствуют или подавляются самостоятельные элиты, чей авторитет был бы основан на общезначимом достижении и универсально признанном успехе. Здесь не была ни выработана, ни принята программа культуры как рафинирования само-

¹ Именно поэтому в сколько-нибудь строгом смысле слова говорить о сакрализации власти, вообще о сакральном в подобных условиях, на наш взгляд, неуместно: впрямую понятийный аппарат Марселя Мосса или Рудольфа Отто здесь неприменим. В любом случае это не более чем эвристическая метафора. Она может лишь отсылать к самым отдаленным генетическим слоям соответствующих значений. Но показ того, откуда произошло, не отвечает на вопросы, зачем и кому понадобилось, как работает. Указание на генезис, если оно вообще имеет хоть какой-то актуальный смысл для субъектов действия, должно быть лишь началом анализа реальной структуры и функционирования легенды, ее функционального назначения, механизмов ввода, поддержания и распространения, соответствующих социальных сил и агентов и т.д.

созидающего и самоответственного индивида в совокупности его интеллектуальных способностей и добровольных социальных связей. И если отделить в фигуре "гениального вождя", "великого стратега" и прочих образов сверхвласти мифологические гиперболы от смыслового содержания, то окажется, что демонизируется, превозносится, делается недостижимым для обычного человека и разумного суда во всех таких случаях, можно сказать, одно свойство — сила действовать, решимость поступать (направленность и характер действий сейчас не обсуждаю).

С другой стороны, такое сочетание несочетаемого и даже запрещенного для "маленьких людей" выступает в репрессивном обществе символической проекцией всеобщего двоемыслия, "протезом" парализованной социальности, когда фигуры и значения обобщенного партнера вытеснены и подвергнуты снижению, очернению как черты "врага". Они допустимы лишь для экстраординарной фигуры воображаемого сверхвластителя, тогда как "нормальному человеку" как бы оставлено существование без альтернатив, больше того, без самой идеи выбора и ценностных критериев возможного сравнения и взвешивания поведенческих стратегий. Наконец, подобная двойственность указывает на особый, высокий символический потенциал образа вождя и выступает формой воспроизводства, поддержания, даже накопления его массовой значимости, в том числе в условиях временной запретности, недоговоренности, закулисных секретов, возбуждаемых ими слухов и толков.

Символическая конструкция могучей и победоносной державы, увенчанная фигурой сверхполномочного и сверхзаконного вождя, включает в себя несколько рядов (серий) фигур условных двойников. Они в той или иной мере дублируют основное качество ключевого образа, самостоятельную силу (ума, проницательности, предвидения, коварства, злопамятности — неважно) или представляют данный семантический момент в полярно противоположных образах слабости, измены, противоборства и пр. Так, в описываемой легенде, в построенных на ней формах квазиисторического повествования или художественной репрезентации, устанавливается связь между образами и значениями вождя и народа, державы и войны. Например, в форме конфликтов и столкновений, драматизированных на страницах мемуаров и романов, на кино- и телеэкранах, представляются взаимоотношения между основными "действующими лицами", идет поляризация и интерференция значений, которые эти образы несут. Одна из сквозных задач статьи — проследить воспроизводство

этой многосоставной семантики сталинского образа и скрепляемых им значений "великой державы", "особого пути" — их структурную устойчивость, смысловые подвиги (дегероизацию, прозаизацию), модальные трансформации (вытеснение в отдаленное прошлое) — на материале массовых представлений о различных эпохах советской и постсоветской истории, применительно к образам руководителей страны после И.Сталина, причем проследить в относительной неизменности и сравнительной динамике самих данных представлений на протяжении уже почти 15 лет между 1989 и 2002 гг.

Речь при этом не шла о прагматических ориентирах массовых респондентов или описанных здесь фигур политиков, их команд, о работе политической системы как таковой. Как ни рассматривались и реальные итоги деятельности этих последних, непомерна социальная цена многодесятилетней постройки "Великого тупика", как его назвал в свое время Ю.Левада¹. Анализировалось лишь социальное функционирование (на массовом уровне, в массовых масштабах) одного символического образа. К тому же этот символический образец и его условные знаки, шифры, среди которых и само сталинское имя, могли выступать в реальной работе политических механизмов власти, в риторике руководителей страны после И.Сталина, в деятельности тех либо иных масс-медиа постсоветской эпохи еще и как атрибуты многоадресной и многофункциональной политической, идеологической демонстрации.

Так они могли со специальным прагматическим расчетом быть обращены к массовым приверженцам базовой легенды, скажем, в определенных обстоятельствах предвыборной кампании — к не таким уж малочисленным в стране сторонникам "коммунистической альтернативы", или использоваться в оправдание конкретных силовых акций власти для "успокоения" руководителей военного ведомства и пр. (не приходится забывать, что с 1994 г. в стране с небольшими перерывами идет многолетняя война). В других аспектах подобные демонстрации могли иметь в виду обобщенные "Восток" или "Запад" в их политических шагах и видах по отношению к России и друг к другу, среди прочего — в предупредительном или дезориентирующем плане и пр.

¹ Левада Ю. Сталинские альтернативы // Осмыслить культ Сталина. М., 1989. С. 459. Напомню, что в статье рассматривались реальные итоги сталинских "простых" и всегда наихудших, наиболее затратных и наименее результативных решений трех ключевых для страны альтернатив — перехода от революционно-переворота к мирной жизни, модернизации общества и его основных институтов, самоопределения в современном мире.

Но речь здесь, повторяем, вообще не шла о чьих-либо прагматических ориентирах, шагах или уловках. Ни легенда великой державы, ни мифология особого русского пути не могут, понятно, ни стать основой для реальной консолидации общества, ни дать опору для практических решений в области политики, экономики, социальной или культурной жизни, ни лечь в основу политических программ, конституирующих ту или иную партию либо движение. Статистическая "масса", ее представления никогда и не выступают движущей силой общества. Уж скорее они, если пользоваться аналогиями из физики, — мера его инертности. Несущие элементы в системе коллективной идентификации большинства, представленные в статье на основе многолетних опросов общественного мнения, консервируют, на наш взгляд, именно те моменты массовых установок, ориентации, оценок ситуации, себя, других, которые не просто препятствуют решению серьезных экономических и политических задач, но вообще исключают сколько-нибудь активную позицию. Они сводят представления о социальной жизни к задачам индивидуальной и семейной адаптации, к принудительному ограничению самым необходимым, минимумом, который "положен всем" и потому может ожидаться только от власти.

Бесцветность и безальтернативность нынешней социально-политической и социокультурной ситуации в России — производные от подобных мнений и оценок, принятых большинством. В этом смысле правомочно видеть в повседневных мнениях, установках и оценках россиян, рутинных формах их социальной жизни, коллективных связей, мотивов существования не только настроения, питающие и поддерживающие описанную здесь легенду о державе и ее вожде, — ее, так сказать, почву или истоки. Может быть, это еще и один из результатов воздействия данного символического комплекса, всей стоящей за ним и кристаллизующейся вокруг него совокупности идей и представлений. И не исключено, что таков даже главный результат массового бытования базовой легенды на протяжении десятилетий советской истории. Разумеется, речь идет о массовом воображении, а не о политической реальности (тем более, что две трети сегодняшних респондентов ВЦИОМ родились уже после смерти "вождя всех народов"). Но, во-первых, характерно, что и в низах, и в верхах общества востребовалась на конец 1990-х годов именно такая мифология и героика. Во-вторых же, прошлое, как показывает история, мифологизируется тогда, когда у людей и социальных групп сокращаются возможности реально воздействовать

вать на свое настоящее и сужаются альтернативные возможности будущего. А это уже относится к диагностике вполне реальных, сегодняшних процессов в обществе и культуре.

Стоит учесть и то, что в социальную и политическую жизнь России сейчас приходит, уже пришло поколение людей, ничего всерьез не выбиравших и не выбирающих в настоящем, а соответственно, и мало что помнящих о сколько-нибудь отдаленном, дальше вчерашнего дня, прошлом. Едва ли не единолично стоящий у них перед глазами безальтернативный образец и герой для значительной, хотя и не преобладающей, части нового поколения — действующий президент. 30% из 2500 молодых россиян, опрошенных ВЦИОМ в октябре-ноябре 2002 г., назвали его человеком, "чья жизнь может служить ориентиром для других"; все другие вспомнившиеся молодежи пер-

сонажи упомянуты, в лучшем случае, 3–4% опрошенных. Свыше трети молодых граждан России, по их утверждениям, на предстоящих выборах будут голосовать за "партию власти" (из остальных партий ни одна не набрала среди молодых потенциальных избирателей больше 5-6% голосов). Однако более половины опрошенной молодежи либо вообще не видят в современной России людей, которые могли бы служить образцами для других, либо затрудняются с ответом на данный вопрос. Свыше половины опрошенной молодежи не симпатизируют ни одной из партий и политических сил, не верят никому из политиков. Они сегодня либо пока еще не знают, кому отдать свой избирательный голос, либо, скорее всего, не станут участвовать в предстоящих выборах, либо утверждают, что, даже в случае своего участия, проголосуют против всех.

Отношение к переменам

(в % от числа опрошенных в каждой группе; март 2003 г.; N=1600 человек)

Вариант ответа	Всего	Возраст				Образование		
		до 25 лет	25–39 лет	40–54 года	55 лет и старше	высшее	среднее	незаконченное среднее
КАКОВО ВАШЕ ОТНОШЕНИЕ К ПЕРЕМЕНАМ, ПРОИСХОДЯЩИМ СЕЙЧАС В СТРАНЕ?								
Нужны более быстрые, решительные изменения	37	38	42	39	29	48	38	27
Нужно действовать более осторожно, осмотрительно	54	56	53	50	57	45	54	58
Затрудняюсь ответить	9	6	5	11	14	7	8	15
ГОВОРЯТ, ЧТО БЫЛО БЫ ЛУЧШЕ, ЕСЛИ БЫ ВСЕ В СТРАНЕ ОСТАВАЛОСЬ ТАК, КАК БЫЛО ДО НАЧАЛА "ПЕРЕСТРОЙКИ" (ДО 1985 г.). СОГЛАСНЫ ЛИ ВЫ С ЭТИМ МНЕНИЕМ?								
Совершенно согласен	35	11	25	35	55	22	31	50
Скорее согласен	21	15	16	27	22	19	20	24
Скорее не согласен	23	32	29	22	14	29	25	15
Совершенно не согласен	15	25	24	14	4	26	17	4
Затрудняюсь ответить	6	17	6	2	5	4	7	7
КАКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КАЖЕТСЯ ВАМ ЛУЧШЕЙ:								
Советская, которая была у нас до 90-х годов	48	17	34	51	72	28	44	67
Нынешняя система	18	33	23	15	11	19	21	14
Демократия по образцу западных стран	22	38	27	24	8	38	23	9
Другое	6	4	10	6	3	11	6	3
Затрудняюсь ответить	6	8	6	4	6	4	6	7
КАКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КАЖЕТСЯ ВАМ БОЛЕЕ ПРАВИЛЬНОЙ:								
Та, которая основана на государственном планировании и распределении	56	29	36	64	78	43	52	72
Та, в основе которой лежат частная собственность и рыночные отношения	34	59	52	28	10	49	38	16
Затрудняюсь ответить	10	12	12	8	12	8	10	12